

Tur S.O. The legal framework of regulation of preserves of cultural heritage activities: modern state and prospects of development (for the Crimean example)

The article examines the key issues of the legal framework of the preserves cultural heritage and its development prospects in terms of transformation processes in Ukraine for example ARC.

Key words: legislation of protect of cultural heritage, the legal framework of protection, preservation and use of cultural heritage, preserve of cultural heritage.

Подано до друку: 06.11.2012 р.

УДК: 904:297«12/14»(477.75)

Д.А. ЛОМАКИН

**К истории становления научного подхода
в исследовании комплекса мусульманских
памятников XIII–XV века в Старом Крыму**

В статье рассмотрен начальный этап накопления научных знаний об археологических памятниках Старого Крыма мусульманского происхождения. Проанализирован вклад энциклопедистов, занимавшихся изучением края в составе экспедиций, организованных Санкт-Петербургской академией наук, ученых и краеведов в исследовании старокрымских древностей. Охарактеризованы первые попытки местных подвижников привлечь внимание власти и общественности к проблеме сохранения памятников истории и культуры Старого Крыма.

Ключевые слова: Старый Крым, памятники археологии, история науки.

Круг проблем, связанных с изучением истории, этнографии, экономики Крыма во второй половине XVIII в. вызывал все больший интерес в Европе не только у ученых, но и в широких кругах просвещенной интеллигенции. Усиление внимания к Крыму в это время было вызвано рядом объективных причин. Прежде всего, это дряхление некогда могущественного и опасного для соседей Крымского ханства и непосредственно связанное с этим процессом постепенное расширение Российской империи на юг [23, с. 168]. Присоединение полуострова к Российской империи в 1783 г. особенно обострило интерес к краю, как на западе Европы, так и в России. Экономические и политические интересы, связанные с освоением новых территорий, требовали их досконального научного исследования. Исторические сведения о Крыме собирались для обоснования включения его в состав России. Русское правительство желало выступить в роли поборника исторической справедливости, восстанавливающего античные очаги культуры, угасшие вследствие монголо-татарского, а затем турецкого завоевания [3, с. 116]. Исторические и археологические разыскания проводились и с целью идеологического подкрепления т.н. Восточного, или Греческого, проекта [17, с. 59–78], под сенью которого проходило большинство событий в Новороссии, вплоть до конца XVIII в. С этого времени, благодаря

переделке общественной жизни на полуострове на европейский лад, появилась и реальная возможность для его всестороннего освоения. [23, с. 168].

В научной жизни Российской империи во второй половине XVIII в. определяющее место занимала Санкт-Петербургская (Петербургская императорская) академия наук, где сосредоточились лучшие ученые силы страны. По заданию правительства эта научная организация провела ряд комплексных экспедиций в Крым. Их содержание охватывало достаточно широкий круг исследований, начиная от биологических и физико-географических наблюдений до изучения истории, этнографии, лингвистики, экономики [23, с. 169].

Работы ученых-энциклопедистов Академии, обследовавших территорию России, явились, по сути, первыми комплексными региональными исследованиями, обращение к которым, как к ценнейшему первоисточнику, актуально до сих пор. При этом попытки осмыслить политический и социально-экономический уклад Крымского ханства, все еще оставшегося загадкой для европейцев в связи с информационным вакуумом, долгое время существовавшим вокруг этого государства, неизбежно приводили многочисленных исследователей в Солхат – столицу Крымского улуса Золотой Орды – на территории которого к тому моменту еще сохранялись многочисленные памятники некогда бывшего могущества. Город посетили авторитетные исследователи древностей Северного Причерноморья, которые оставили рапорты, отдельные путевые заметки, первоначальные наброски работ, копии собранных документов, зарисовки планов старинных зданий, укреплений и памятников, а также копии и оригиналы карт, вызывающие у современных исследователей значительный интерес [2, с. 2].

Первостепенное значение в изучении Крыма конца XVIII – начала XIX в. получила экспедиционная деятельность ученого-энциклопедиста, одного из крупнейших естествоиспытателей эпохи, академика Петербургской академии наук Петра Симона Палласа (1741–1811) [5]. Значительный интерес для изучения развития краеведческих знаний о Солхате представляет экспедиция П.С. Палласа в южные районы империи, состоявшаяся в 1793–1794 гг. По пути в Феодосию ученый останавливался в Старом Крыму. При въезде в город у самой дороги П.С. Паллас обратил внимание на «многочисленные развалины, бросавшиеся в глаза» [28, с. 44]. Осмотрев городок, он констатировал, что «древности Старого Крыма немногочисленны и почти совершенно разрушены, заключаются теперь только в остатках татарской бани, двух мечетей и одной греческой церкви» [28, с. 45].

В путевых записках П.С. Паллас упомянул «древний дворец ханов», расположенный «на берегу речки Серен-Су, протекающей в южной части города» [28, с. 45]. В этом здании «жил до 1800 года русский архиерей, который приобрел теперь другой дом для своей новой резиденции» [28, с. 45]. К сожалению,

Рис. 1. М.М. Иванов. «В Старом Крыму». 1783.

до настоящего момента достоверно неизвестно, являлся ли упомянутый П.С. Палласом памятник, «довольно хорошо сохранившийся» [28, с. 45] к моменту его визита в город, ханской резиденцией, либо исследователь ошибся в своих выводах.

Во время осмотра окрестностей Эски-Крыма, в частности возвышенности Бузгун-Бурун («Воронья гора»), находящейся между городом и возвышенностью Агармыш, П.С. Паллас обнаружил «повсюду следы древнего населения, видимо, весьма много-

численного. Здесь покоилось большое количество остатков древних подземных водопроводов, большая часть которых повреждена» [28, с. 46]. При выезде из города исследователь осмотрел древний вал, направление которого он не смог проследить. Кроме того, здесь П.С. Паллас обнаружил «могильный памятник, построенный из тесаных камней с готическим сводом и татарской надписью 868 года» (1454) [28, с. 46]. Надпись указывала на то, что здесь был похоронен некий Хиазедин-султан, сын Килай-Темир-хана.

Краткие зарисовки исторических памятников Эски-Крыма, выполненные П.С. Палласом, представляют значительную ценность для краеведения. После присоединения Крымского полуострова к Российской империи его работы стали одними из первых, которые включали в себя не только исчерпывающую энциклопедичность, но и зарождение научного подхода к изучению доселе неизвестных земель. Часть из упомянутых им памятников старины вскоре навсегда исчезли. Участники дальнейших научных экспедиций не только не могли их обнаружить, но даже застать каких-либо следов от них. Несмотря на максимальную краткость и сжатость описания эски-крымских древностей, сведения П.С. Палласа заслуживают самого пристального внимания и глубокого анализа, чего в полной мере до настоящего момента сделано не было.

Двухтомник путешествия П.С. Палласа по югу Российской империи в 1793–1794 гг. в полном объеме на русский язык не переведен до сих пор. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится анонимный перевод второго тома «Примечаний во время путешествия в южные провинции Российской империи в 1793 и 1793 годах» [43, л. 1–341], который включает объяснения всех рисунков и таблиц. Русский перевод крымской части сочи-

нения академика был опубликован благодаря подвижничеству местных краеведов, прежде всего М.А. Сосногоровой-Славич (Таненберг) (1820–1891) и Г. Э. Караулова (1824–1883) [21, с. 177–180].

В 1799 г. во время путешествия по Крымскому полуострову, направляясь в Судак, Старый Крым посетил коллежский советник Павел Иванович Сумароков (1767–1846). Пробыв в городе два дня (с 8 по 10 июня), он оставил в своем дневнике ряд записей, ярко отображающих состояние памятников архитектуры древнего Солхата в конце XVIII в. Приближаясь к городу, исследователь обнаружил «разваленные на полях церквей и домов стены», которые напоминали, что «они некогда в самом городе стояли» [35, с. 97]. В Старом Крыму П.И. Сумароков стал свидетелем «запустения бывшего величия». «Церквей мечетей, крепости, бань и фонтанов одни видны только груды; повсюду пустыри, везде томность и признаки прежнего во славе его положения. <...> Теперь здесь считают только до 70 домов, или, лучше сказать, лачужек <...> Старый Крым ничто иное, как худой посад» [35, с. 98]. Можно предположить, что П.И. Сумароков наблюдал остатки крепостных сооружений, о которых идет речь в его путевых записках, а также несколько городских фонтанов, устройство которых описано с некоторыми деталями: «он [Старый Крым – *авт.*] был обнесен вокруг крепостью. Имел довольно церквей, мечетей, бань и домов, а от великого множества в нем садов казался построенным в лесу. <...> Одни фонтаны довольствовались водою. Уцелевшие эти фонтаны весьма искусно сделаны: вода ведена с гор подземными трубами, которая переходя из одного бассейна в другой, доходила, наконец, до своего извержения, отделяя некоторые протоки в огороды поселян [35, с. 98]. Исследователь не считал нужным составлять исторические зарисовки об остальных памятниках города, часть из которых к тому моменту неплохо сохранилась.

В 1802 г. в должности судьи в составе Крымской комиссии П.И. Сумароков второй раз посетил Крым. За время пребывания на полуострове он существенно дополнил собранные им ранее сведения, что нашло отражение в двух опубликованных томах «Досуга крымского судьи» [34]. За свои литературные труды П.И. Сумароков был избран членом Российской академии наук. Путевые заметки были написаны им в характерном для подобного жанра литературы стиле «сентиментального» путешествия, построенные на личном восприятии увиденного автором и обильно украшенные эмоциями и переживаниями. Тем не менее, работы П.И. Сумарокова особо важны при создании общей картины состояния памятников истории и культуры Золотоордынского периода Солхата в конце XVIII века. Труды автора существенно дополняют рисунки художника де Палдо, сопровождавшего П.И. Сумарокова во время его первого путешествия, на основе чего была выполнена серия гравюр с видами Крыма и картами.

История изучения древностей Старого Крыма частично связана с именем Егора Егоровича (Генриха Карла Эрнста) Кёлера (1765–1838), филолога, археолога, искусствоведа, ординарного академика Императорской Академии наук. 8 февраля 1804 г. на заседании Академии было зачитано «Письмо о нескольких медалях Европейской Сарматии и Херсонеса Таврического» [23, с. 182], в котором Е.Е. Кёлер обратил внимание на неизученность основных вопросов истории, археологии и нумизматики античных государств Северного Причерноморья. Автор упрекнул русских ученых в том, что иностранные путешественники их опережали «в славных научных открытиях» на ниве изучения причерноморских классических древностей. Весной того же года Е.Е. Кёлер обратился к президенту Академии художеств А.С. Строганову с просьбой о поддержке проекта поездки на юг [36, с. 67].

Рис. 2. М.М. Иванов. «В Старом Крыму. Остатки школы». 1783. Акварель. Внутренний двор медресе.

Идею экспедиции поддержал император Александр I, который распорядился выдать каждому участнику по одной тысяче рублей на расходы из сумм своего Кабинета. [44, л. 337]. В путешествии, которое длилось более полугода, Е.Е. Кёлера сопровождал Карл фон Кюгельхен (1772–1831), немецкий художник. Во время поездки исследователь побывал в Одессе, Николаеве, Симферополе, центральном Крыму, Севастополе, проехал по Южному берегу Тавриды, останавливался в Судаке, Старом Крыму, посетил Феодосию, Керченский полуостров, Тамань [37, с. 307–308]. За время пребывания Е.Е. Кёлера в Крыму Карл фон Кюгельхен выполнил более 200 зарисовок, частично приобретенные императором и ныне хранящиеся в Эрмитаже [6, с. 127]. В 1825 г. виды Юга России работы Кюгельхена планировали издать в Париже в литографии Энгельмана и Графа в 6-ти тетрадах, но этот проект не был реализован. Вернувшись в Санкт-Петербург, Е.Е. Кёлер обратился с письмом в Петербургскую Академию наук и лично к императору Александру I, в котором с горечью описал жалкое состояние бесценных древностей на полуострове, привел вопиющие факты уничтожения уникальных памятников истории и культуры. Он обратил внимание ученых и власти на факты расхищения наиболее ценных вещей во время несанкционированных раскопок, привел примеры разбора средневековых сооружений на новостройки [23, с. 183].

В 1821 г. Е.Е. Кёлер вновь посетил Крым. Инициатором поездки на этот раз выступил общественный деятель, поэт и драматург В.В. Капнист (1758–1823), отправивший письмо министру духовных дел и народного просвещения князю А.Н. Голицыну о повсеместном уничтожении древних руин в Тавриде и необходимости принятия мер со стороны правительства по их охране. Записка В.В. Капниста была заслушана 17 августа 1820 г. на заседании Комитета министров. Постановлением Общего собрания Академии наук 26 января 1820 г. разработка плана работ экспедиции в Крым и Тамань была поручена академику Е.Е. Кёлеру, как единственному из историков – членов Академии наук, уже побывавшему в Причерноморье [36, с. 77].

Экспедиция началась 29 мая выездом из Санкт-Петербурга. Е.Е. Кёлер, которого сопровождал архитектор Э. Паскаль, был снабжен инструкцией «с означением, на какие предметы должны были обращать наблюдения и исследования» [36, с. 78] путешественники. В ней подчеркивалась необходимость снять с развалин «верные чертежи», а с греческих, латинских и татарских надписей – точные копии. В Академии Е.Е. Кёлеру рекомендовали ходатайствовать перед местным населением, чтобы «выкапывание и своз камней впредь было запрещено» [36, с. 80]. Особо подчеркивалось требование информировать Академию наук обо всех проводившихся в Новороссии раскопках, «могущих прояснить историю оной классической земли».

Экспедиция продлилась 5 месяцев. По ее итогам 23 ноября 1821 г. Е.Е. Кёлер представил на рассмотрение академической Конференции рапорт, где разделил памятники архитектуры Причерноморья на 2 класса. К первым были отнесены более сохранившиеся памятники византийской, гетуэзской, татарской и турецкой архитектуры, которые «могли быть восстановлены на долгое время», ко вторым – развалины «циклопических» построек, храмов и других зданий времен античной Греции, требовавшие принятия мер к их охране, так как они использовались местным населением «безнадежно» в качестве каменоломен. Относительно первых исследователь писал, что их следует «привести единожды в хорошее состояние и в оном содержать» [36, с. 80]. (К этому типу памятников были отнесены золотоордынские постройки в Старом Крыму). Памятники второго класса, по мнению Е.Е. Кёлера, «будучи охраняемы от разрушения, могли существовать века» [36, с. 80]. Исследователь заключил, что «необходимо запретить порчу памятников древней архитектуры, независимо от того, какому народу они принадлежат – грекам, гетуэзцам, туркам, татарам и т.д.» [36, с. 77]. Все памятники должны были быть описаны и изданы в 12–15 тетрадах.

В отчете об экспедиции была названа сумма в 41 тыс. руб. ассигнациями, необходимая на реставрацию памятников Крыма. Эта смета и предложение «О средствах к сохранению древних достопамятностей Тавриды»

были утверждены Александром I 4 июля 1822 г. [26, с. 34–37]. Все расходы по реставрации памятников правительство брало на себя. Министр народного просвещения А.Н. Голицын обсудил вопрос об охране древностей Тавриды с Таврическим гражданским губернатором Н.И. Перовским, Последний настаивал, что следует обратить основное внимание на

Рис. 3. М.М. Иванов. «В Старом Крыму. Остатки школы». 1783. Акварель. Портал медресе. Вид с юго-востока.

охрану древностей греков и генуэзцев, а не татарских и турецких «как ближайших к нашему времени народов». В 1822 г. из строительного капитала в распоряжение Таврического гражданского губернатора на первый год выслали 10 тыс. руб., о чем Конференция была поставлена в известность 14 августа [42, л. 74 об.].

Таким образом, благодаря многолетним стараниям Е.Е. Кёлера, впервые в истории Российской империи государственные средства были специально отпущены на нужды охраны памятников Крымского полуострова [33, с. 37–42]. Но местная администрация никаких конкретных мер не принимала, и выделенные средства вплоть до вступления в должность новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова в 1823 году оставались неиспользованными.

Авторитетным исследователем памятников Северного Причерноморья являлся русский немец Петр Иванович Кёппен (1793–1864), член-корреспондент (с 1826 г.), а затем ординарный академик Императорской Академии наук (с 1843 г.) [12, с. 120; 13, с. 224]. Юрист по образованию, но по своим научным интересам скорее историк, археолог, археограф, этнограф, филолог, географ, библиограф, П.И. Кёппен оставил заметный след в истории отечественной археологии того начального периода, когда еще только закладывались основы этой области научного знания, когда определялись цели, задачи и методы полевой и кабинетной работы [36, с. 90].

Летом 1814 г. П.И. Кёппен переехал в Санкт-Петербург, где попеременно служил в министерствах внутренних дел и народного просвещения. В 1819 г. ему было поручено провести ревизию почтовых станций по Белорусскому тракту до Крыма и Кавказа и обратно [19, с. 17]. П.И. Кёппен воспользовался поездкой для сбора сведений об археологических памятниках побережья Черного моря и Крыма. В декабре 1819 г. исследователь вернулся в столицу и вплотную

заявся систематизацією зібраних во время поїздки на юг научних матеріалів. В 1827 г. Он отримав переклад із Міністерства народного просвіщення в Міністерство внутрішніх справ, ведавше сільським господарством, в початку 1829 г. переселився в Крим, де займав посаду помічника головного інспектора шовководства, садівництва і виноделия південних губерній Х.Х. Стівена [36, с. 96].

В серпні 1833 г. П.І. Кєппен поділився з Новоросійським генерал-губернатором М.С. Воронцовим своїми думками про необхідність детального описання археологічних пам'яток і фіксації топонімів Тавриди. Осенню 1833 – весною 1834 г. по дорученню і на кошти графа він ретельно обстежував гірську частину Таврики, де першим виявив і описав сліди античного часу і раннього середньовіччя. Матеріали досліджень були обобщені в «Кримському збірнику» [7], планувалися як чотирьохтомник [18, с. 198; 21]. Однак в світ вийшов тільки перший том «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических», з додатком детальної карти Південного берега Криму, складеної на основі карти генерала Мухіна 1816 року, і вказівкою до неї.

В сочиненні один із розділів автор присвятив Старому Криму. П.І. Кєппен не став зупинятися на детальному описі практично зниклих пам'яток історії і культури Солхата. Учений зробив спробу відтворити історію міста, склав хронологічну таблицю найбільш важливих і ключових подій починаючи з 1284 г. (дата виявленої до того часу найбільш давньої монети на території Солхата) [7, с. 341]. Крім того, П.І. Кєппен намагався прослідкувати історію походження назви міста, приводячи різні варіанти в згадках творів багатьох авторів, колись відвідали Старий Крим або удостоїли його увагою в своїх сочиненнях (Абдульфеді, Боплан, М. Броневський, Вітсен і др.). На основі цих же джерел був зроблений висновок про колишню багатість і могутність Солхата.

В місті знаходилися багато будівель, гідних здивування, особливо вищі училища, в яких викладалися всі науки. Каравани з Ховарезмії (Хіви) ходили в Крим без найменшої небезпечності, використовуючи три місяці на проходження шляху. При величезній надлишку, панувалою в цих країнах, не було необхідності брати з собою їстівні запаси. Путешественники всюди знаходили готельні, де нині зустрічаються тільки сирни і дикі кози. Торговля доставляла жителям великі багатства. Але вони по скупості тільки заховували золото в сундуки і нічого не ділили бідним. Ці високоцінні будівлі будували величні мечеті і інші подібні будівлі не тільки для того, щоб спорудити пам'ятники своєї доброти, як для увічнення гордості своєї і багатства. В такому положенні знаходився тоді місто Крим, бідне нині місце, з якихось шістьох хижинах, обжитих татарами і євреями [7, с. 340].

З пам'яток татарської старовини П.І. Кєппен згадав тільки фортецю в північній частині міста на підвищенні Ногайль-Оба, «за якою пролягав давній ров, який був дуже глибокий і продовжувався до міста» [7, с. 346].

В «Крымском сборнике» проявился характерный для П.И. Кёппена метод археологического картографирования. Первостепенное значение при этом уделялось предварительному тщательному осмотру местности, где находились древние памятники. Старый Крым не стал исключением – исследователь подверг осмотру и скрупулезному анализу всю территорию древнего поселения. Благодаря стараниям ученого на основе обширного круга источников впервые была предпринята попытка систематизации многовековой истории города.

Рис. 4. М.М. Иванов. «Город Старый Крым». 1797. Акварель. Площадь перед порталом медресе. Вид с юго-востока.

Множество усилий на исследование археологических памятников Северного Причерноморья потратил один из последних энциклопедистов, натуралист и археолог Фредерик Дюбуа де Монпере (1798–1850). Уроженец Швейцарии оставил заметный след в истории археологии, эпиграфики, нумизматики, геологии, минералогии, ботаники Крымского полуострова, был блестящим наблюдателем и рисовальщиком [38, с. 53–61].

В июне 1831 г. он покинул Берлин (где изучал естественную историю в местном университете) и на личные средства в одиночестве отправился в путешествие через Западную и Восточную Украину. Проехав Новороссийский край, Крым и Таманский полуостров, он к середине 1833 г. добрался до Кавказа, посетил Грузию, Армению. В конце 1834 г. Ф. Дюбуа де Монпере отправился в обратный путь. Направившись из Тамани в Керчь, далее по Южному берегу Крыма в Севастополь, оттуда – в Одессу и Литву [36, с. 99]. В состав сохранившихся дневников, украшенных многочисленными зарисовками, включены описания Приднепровских курганов и остатков крепостных сооружений в Западной Украине и Литве, записки по истории и археологии Боспорского царства, копия рапорта П.А. Дюбрюкса об открытии кургана Куль-Оба близ Керчи 22 сентября 1830 г., выписки из статей по археологии Крыма и многое другое.

Пятый том записок Фредерика Дюбуа де Монпере содержит воспоминания путешественника об Эски-Крыме, где он побывал проездом из Феодосии. Исследователь, как и многие его предшественники, посетившие Старый Крым, был поражен упадком некогда крупнейшего культурного центра. В своем дневнике он оставил следующую запись:

Что сохранилось от былого величия сегодня? Где богатые караваны, которые складывали товары из Азии в его караван-сараях? Поражает, как могущественные столицы могут исчезнуть за столь краткое время, покрываясь полями и пастбищами. Лишь отдельные руины, более прочные, сумели противостоять фатальному разрушению, чинимому временем и людьми. Что я видел в Эски-Крыме? Мой проводник показал мне пять старых мечетей в развалинах: большую сводчатую баню напротив греческой церкви, и позади нее – шестую мечеть, единственную, где мулла исполняет еще свои обязанности. Возможно, эта та самая, которую Бейбарс, султан Египта и уроженец Крыма, велел построить из мрамора и порфира с дозволения кипчакского хана. Тут и там следы древних тротуаров указывают направления улиц среди полей. Только несколько скрюченных шелковиц избежали участи прекрасных садов, от которых остались незначительные следы [4, с. 90].

Далее, чтобы лучше судить о расположении Эски-Крыма, Ф. Дюбуа де Монпере с проводником отправился к горе Агармыш, на склоне которой, по мере подъема, путешественник пересек «двойное укрепление, окружавшее город: каменную стену с башнями и ров. Внутри стен огромное пространство было отведено под гробницы всевозможных форм, которые буквально усеивали почву. Некоторые из них представляли собой свод, опирающийся на куб со срезанными углами. Впадины в почве означали множество ушедших под землю погребений» [4, с. 90]. Проводник Ф. Дюбуа де Монпере указал и на огромный курган, по легенде – могила Мамая. «Сюда приходили паломники. Если желали исцелиться от болезни, оставляли около гробницы какой-либо предмет или вешали старый лоскут на окружающих деревьях и кустах» [4, с. 90]. Пробыв в Старом Крыме немного более суток, исследователь продолжил свое путешествие, направившись в Судак.

В 1836 г. Ф. Дюбуа де Монпере вернулся в Берлин, где занялся обработкой и изданием собственных материалов. В 1838 г. Географическое общество в Париже присудило ему премию за его путешествие на Кавказ и в Крым, что было редким явлением во Франции, так как он являлся иностранным подданным. В последствии исследователь был избран членом-корреспондентом географических обществ в Лондоне, Берлине, Санкт-Петербурге. Император Николай I наградил ученого орденом Св. Станислава, а также взял на себя финансирование издания атласа путешествия [36, с. 100]. Один том путешествия Ф. Дюбуа де Монпере в год выхода из печати стоил 11 руб. серебром и сегодня является библиографической редкостью. Из-за смерти автора издание осталось незавершенным.

Одну из своих публикаций истории Старого Крыма с его многочисленными древностями посвятил Григорий Иванович Спасский (1783–1864) – историк, археолог, востоковед, горный инженер и издатель. В 1834 г. по собственному прошению он перевелся на должность главного смотрителя соляных озер Таврической губернии, а с 1835 г. начал изучать историю и археологию

Крымского полуострова, собирать археолого-нумизматическую коллекцию [29]. В 1858 г. в четвертом томе «Записок Одесского общества истории и древностей» была опубликована его работа «Старый Крым: Из путевых записок о Крыме» [32]. Опираясь на обширную базу источников и изданных работ, Г.И. Спасский предпринял попытку восстановить многовековую историю Старого Крыма, проследить последовательность правления местных ханов, затронул ряд проблем, связанных с демографической историей города. В аспекте перечисленных вопросов автор упомянул ряд мусульманских памятников Солхата.

Рис. 5. М. Вебель «Развалины ханского склепа. Эски-Крым». Конец 40-х гг. XIX в.

Осмотрев древности города и находясь под впечатлением от их жалкого состояния, Г.И. Спасский оставил следующие строки: «Каков был некогда Старый Крым! Но что он ныне? Почти одни груды мусора и камней, да развалины бывших зданий, и кладбища напоминают теперь о прежнем многолюдстве и богатстве этого города – о великой его старине» [32, с. 89]. Автор вполне справедливо заметил, что «сколько нашествия врагов, столько же и кичливость самих обитателей Старого Крыма почти сгладили его с лица земли, оставив лишь развалины и кладбища немymi свидетелями мятежного существования жителей» [32, с. 90].

Исследователь не мог обойти вниманием наиболее известный памятник города – мечеть хана Узбека, к тому времени уже «полуразрушенную, но с еще уцелевшим минаретом. Дверь в мечеть новой топорной работы, которая вовсе не гармонировала с видимыми вокруг нее красивыми местами с позолотой и арабесками. Изображенная над дверью арабская надпись свидетельствовала, что мечеть сооружена 714 хиджры или 1314 году нашего летосчисления. Внутренность мечети образовывала параллелограмм, а верх – прочный свод, поддерживаемый столбами, по три с каждой стороны. Углубление в передней стены окружено подобными же арабесками с позолотой и надписями, как и дверь. Последние содержал разные изречения Корана» [32, с. 89].

Г.И. Спасский, осмотрев укрепления города, высказал предположение о том, что сохранившиеся к тому моменту оборонительные сооружения являются постройками значительно более поздними, чем правление ханов времен Золотой Орды: «Должно полагать, что стены и башни Старого Крыма не произведение древности, а создание позднейшего времени: тех же генуэзцев при

самом начале водворения их в тамошнем краю, потому что постройка эта в двадцати верстах от моря, после кафинского укрепления, лежащего на самом его берегу и в центре их торговой деятельности. Было бы бесполезно во время пребывания там кипчакских ханов, совершенно невозможно, и это место не могло бы уже иметь претензии на название Эски-Крыма» [32, с. 92].

В достаточно объемной и разноплановой публикации Г.И. Спасский не уделил должного внимания остальным мусульманским археологическим памятникам, к тому моменту еще неплохо сохранившимся, учитывая их дальнейшее беспощадное истребление местными жителями. Автор лишь упомянул «полуразвалившиеся стены бывшего ханского дворца среди жалких остатков фруктового сада» [32, с. 90] и «гору Агармыш, составляющую некогда главное украшение Старого Крыма» [32, с. 98].

История изучения Старого Крыма последней трети XIX в. непосредственно связана с именем Василия Дмитриевича Смирнова (1846–1922) – профессора Санкт-Петербургского университета, известного российского тюрколога. Его имя вошло в историю науки как «основателя крымской востоковедческой историографии» [39, с. 506–507]. Незадолго до защиты диссертации – в 1886 г. – по заданию Императорской Археологической комиссии В.Д. Смирнов совершил поездку в Крым. Информацию об этом содержит доклад главы Комиссии Алексея Александровича Бобринского (1852–1927) [1, с. 105–109]. Основное внимание исследователь уделил знакомству с материалами симферопольских архивов. В то же время востоковед отметил, что невозможно было не остановиться на непосредственном изучении памятников материальной культуры [20, с. 149].

В.Д. Смирнов не ставил перед собой цель каких-либо «самостоятельных исследований, а только проверку тех данных об известных исторических местностях и кладбищах, о каких упоминали раньше ученые» [40, л. 1]. Значительное внимание В.Д. Смирнов уделил Старому Крыму и его многочисленным памятникам истории и культуры золотоордынского периода. Итогом научной поездки ученого стал неопубликованный отчет «Описание археологических памятников татарского происхождения в Старом Крыму» Рукопись отложилась в Научном архиве Института восточных рукописей РАН [41]. Материал идентичен опубликованной статье 1886 года [30; 31].

Изложение материала В.Д. Смирновым составлено в форме, характерной для путевых записок путешественников первой половины XIX в., общей чертой которых является описательный характер помещенных в них сведений, присутствие личных авторских мнений и предложений. В тексте присутствует множество статистических данных, личных впечатлений и оценок автора, но при этом отсутствует какой-либо анализ изложенных фактов. В отчете о своих исследова-

ниях В.Д. Смирнов продемонстрировал не только глубокое знание исторических памятников, но и знакомство с основным корпусом крымоведческой литературы. Значение проведенных в Крыму исследований ученым вскоре было отмечено специалистами Археологической комиссии [27, с. 105–109]. Ныне работы В.Д. Смирнова о старокрымских древностях являются

Рис. 6. М. Вебель «Развалины мечети Султана Бибарса». Конец 40-х гг. XIX в. Фасад мечети Узбека.

важнейшим источником по изучению археологических памятников мусульманского происхождения XIII–XV вв. в Старом Крыму. Научная поездка востоковеда в Крым, в т.ч. его исследования на территории древнего Солхата, детально рассмотрены на страницах недавних публикаций [11; 25, с. 237–267].

В июне 1888 г., исполняя поручения Таврической ученой архивной комиссии (далее – ТУАК), Старый Крым посетил организатор краеведческого движения в Крыму, библиограф, Арсений Иванович Маркевич (1855–1942). Ученый ставил перед собой несколько целей: «взять найденные в этом городе и принесенные в дар комиссии Императорским Археологическим обществом памятники древности, ознакомиться с древностями Старого Крыма и выработать совместно с полицейской властью меры для предохранения остатков старины от расхищения и уничтожения» [14, с. 64].

Знакомство с древностями города А.И. Маркевич начал с предметов, подаренных ТУАК. «Мраморные банные вазы или раковины», как их описывал профессор В.Д. Смирнов [31, с. 511], оказались изготовленными из местного известняка «и самого простого вида, какие можно видеть в любой турецкой бане» [14, с. 66]. Мраморная могильная плита, находившаяся в 1886 г. в кабаке, где ее видел профессор В.Д. Смирнов [31, с. 511], представляла значительный интерес для науки. На плите была выполнена следующая арабская надпись: «месяц Сефер 742 года» [14, с. 65]. Дата соответствовала 1341 г. после Р.Х. и была близка к дате возведения мечети Узбека. Других плит от памятника, часть которого составляла данная плита, обнаружить не удалось.

А.И. Маркевич, как и его предшественники, был поражен огромным количеством археологических памятников в Старом Крыму и, в то же время, варварским отношением к ним местных жителей. Ученый выразил глубокое сожаление, что большая часть великолепных памятников древности бесследно исчезла для мировой науки и продолжала исчезать неимоверно быстрыми темпами.

Остатки древности попадаются в Старом Крыму почти на каждом шагу. Почти в каждом дворе я видел массу камня и старых каменных плит, иногда очень больших, очевидно выкопанных из земли или взятых с ее поверхности и еще не употребленных на какое-либо дело. Так как нынешний Старый Крым находится как раз на месте древнего, то чуть не каждый домохозяин натывается на старые фундаменты, могилы и т.п. <...> Находок в Старом Крыму вообще очень много. Попадают монеты, древние сосуды и другие предметы. Большая часть глиняных предметов погибает, разбиваясь вдребезги при первом прикосновении к ним, но есть и уцелевшие и хорошо сохранившиеся сосуды. Этими сосудами, как и вообще находками, владельцы очень дорожат, хотя это не мешает им извлекать из них и практическую выгоду. Так найденный в земле жителем Старого Крыма Ив Вениосовым двурукий древний сосуд, довольно большой величины, употребляется у него для соления помидор. Несмотря на мои убеждения, он не согласился уступить его для музея нашей комиссии. Что касается монет, то большая часть их татарская – бахчисарайская или местная. Известно, что в Эски-Крыме издавна чеканилась монета. Древнейшая из старокрымских монет, монета хана Менгу-Тимура, – 683=1284 г. [14, с. 67].

В саду у местного жителя, некого Пашу, А.И. Маркевич обнаружил «прекрасную плиту из белого мрамора, выкопанную из земли. На первый взгляд она походила на надгробную безрогую караимскую плиту, но, присмотревшись, стало более вероятным, что это часть внутренней отделки какого-нибудь здания: мечети, бани или дворца» [14, с. 67]. По данным А.И. Маркевича, 15 апреля 1888 г. было сделано заявление в местную полицию жителем Старого Крыма Юсевичем-Красковским об открытии на соседнем участке каменного склепа с захоронениями при строительстве погреба владельцем имения, греком Мораикали [14, с. 69]. Ученым было принято решение осмотреть «находку». Вход склепа оказался заваленным мусором. Внутри А.И. Маркевич «увидел перед собой страшную массу сгнившего дерева, почти совсем истлевших человеческих костей, кожи и шелкового тряпья. Все это было страшно перемешано и покрывало пол, по крайней мере, на четверть аршина» [14, с. 70]. Опросив местных жителей, ученому удалось воссоздать первоначальную картину убранства склепа: «было до 20 деревянных гробов, из которых часть стояла на полу, а другая на нижних гробах. Все стояли головой к востоку, и только один гроб больших размеров стоял поперек склепа с севера на юг. Все гробы были зашиты в кожу. Пока дали знать полиции, в склепе перебивало чуть ли не все население Старого Крыма. Любопытные разрывали кожу, а гробы и кости превращали в прах <...> Все топталось, ломалось, разрывалось» [14, с. 70]. Ученый предположил, что склеп был открыт и разграблен значительно раньше. Подобный вывод был сделан на основе обнаруженных в стене двух поржавевших гвоздей, вбитых, вероятно, для крепления факелов. К сожалению, из-за отсутствия информации и упоминания в более поздних источниках невозможно установить об открытии какого именно склепа идет речь. Можно лишь предположить, что достаточно крупное

захоронение было разграблено значительно раньше 1888 г., а склеп в дальнейшем был разобран местными жителями на строительные материалы.

А.И. Маркевич полностью согласился с В.Д. Смирновым в том, что «такого беспощадного истребления древностей, как в Старом Крыму, нигде еще не было видано» [14, с. 68]. Арсений Иванович справедливо дополнил своего предшественника, что в этом виновны «не одни невежественные или необразованные жители Старого Крыма, которым «сняты и грезятся всюду клады и старинные деньги» [31, с. 511], а причина лежит «в отсутствии здесь всякого административного и научного наблюдения над остатками старины. Обывателям Старого Крыма не разъяснялось, что кладов и богатств в земле они не найдут, и что те остатки старины, которые они могут найти не обогатят их, но имеют значение только для науки» [14, с. 68].

Подробно останавливаясь на описании археологических памятников А.И. Маркевич не стал, сославшись на опубликованный отчет профессора В.Д. Смирнова. Краевед заострил внимание лишь на некоторых деталях, заслуживающих, по его мнению, упоминания, а именно на менее исследованной западной части города, идущей от православной церкви и кладбища к горе Агармыш. «В этой части города были видны следы трех мечетей <...> Эта часть города ждет подробных раскопок и разведок. С западной стороны города, от Агармыша до Кемаль-Ата, шла когда-то стена, развалины которой (и других строений) видны были еще недавно; теперь от всего этого остались попадающиеся кое-где камни» [14, с. 73]. По словам А.И. Маркевича, в этой же части города в 1886 г. был открыт подземный водопровод, идущий от Агармыша через православное кладбище, к развалинам мечетей и караван-сарая [14, с. 73].

Наиболее серьезной проблемой, по мнению А.И. Маркевича, в Старом Крыму был вопрос сохранения от разрушения памятников истории и культуры. Ученый вполне понимал все трудности поставленной задачи, но, тем не менее, он предложил выход из сложившейся ситуации:

Вопрос этот чрезвычайно труден и щекотлив. Частным лицам невозможно запретить копать землю на своих усадьбах, а при этом невольно должно быть много поврежденных памятников старины, находящихся в земле, и даже расхищений их. Насильно отнимать у владельцев найденные ими в земле древности тоже невозможно. Поэтому необходимо действовать главным образом, посредством убеждения и разъяснения местным жителям истинного значения памятников древности. Что же касается производимых жителями Старого Крыма раскопок за чертою города, и связанных с ними повреждений курганов и похищений содержимого в них, а так же расхищения последних остатков древних стен и зданий, то против этого должны быть принимаемы самые строгие меры со стороны администрации [14, с. 76].

К сожалению, предложения краеведа не были всерьез восприняты местными чиновниками. На заседании 11 марта 1892 г. Старокрымской думы, «не нахо-

дя возможным и полезным для города сохранять остатки и развалины древних каменных построек, подвергающихся постепенному уничтожению через расхищение и воровство составляющего их материала» [15, с. 124], было принято решение «развалины эти продать на слом» [15, с. 124]. При этом предполагалось «поручить управе предварительно обратиться к Таврической ученой архивной комиссии и просить ее командировать в Старый Крым избранное лицо для указания на месте, какие именно из развалин заслуживают поддержки и сохранения и какие могут быть уничтожены продажей их на слом» [16, с. 277].

Данное постановление городской думы побудило в 1892 году ТУАК вновь командировать А.И. Маркевича в Старый Крым для осмотра местных древностей и принятия решения о необходимости дальнейшего сохранения памятников истории и культуры. Краевед в сопровождении одного из членов местной городской управы и при участии жителя Старого Крыма члена ТУАК М.А. Кармалина осмотрел все уцелевшие к тому времени в городе остатки древних сооружений [15, с. 124].

Около базарной площади были обнаружены остатки постройки, по словам местных жителей – армянской церкви. А.И. Маркевич был склонен считать, что это ни что иное, как остатки татарской мечети. Хорошо обработанный камень с постройки к тому моменту был снят [15, с. 124]. Мечеть Узбека находилась в том же печальном положении, хотя в развалинах примыкавшего к мечети медресе уже не было кузницы, которую А.И. Маркевич наблюдал четыре года назад. Коллекция надгробных памятников, находящихся у мечети, «стала как будто меньше» [15, с. 124].

В 60-ти сажнях от мечети Узбека находились «внушительные» развалины другой мечети. «Размер этого сооружения внутри 23 шага в длину и 18 шагов в ширину. Сохранились остатки величественного портала с тройной дверью. Развалины эти обращали внимание высотой сводов и массивностью стен. На таком же расстоянии от мечети Узбека развалины другой обширной мечети. Уцелела лишь южная сторона. Сохранились свод и склеп. Место, занимаемое этой развалиной, находилось в частном пользовании грека Николая Чулакова, который развел здесь огород. Далее следовал почти уже незаметный ряд татарских мечетей» [15, с. 125].

В частном пользовании Максима Задощенко находились «развалины значительной величины». К моменту осмотра сохранились основания всех четырех стен. Внутри был разбит огород. По рассказам местных жителей, отсюда было вывезено большое количество хорошо обработанного строительного камня. А.И. Маркевич пришел к выводу, что это остатки еще одной татарской мечети [15, с. 126]. На незначительном расстоянии от владения М. Задощенко, на земле

г. Айвазовского и около городского фонтана краевед также наблюдал развалины, предположительно, мечетей. Среди остатков караван-сарая были видны явные следы недавней выемки камня и хищнических раскопок [15, с. 126].

Осмотрев памятники старины, А.И. Маркевич пришел к выводу, что «развалины эти, имеющие несомненное археологическое значение, следует городу сохранять и оберегать от расхищения и, дорожа ими, отнюдь не передавать в частные руки. Городу следовало бы отменить и существующее донныне и располагающее к хищничеству постановление, по которому со всякой сажени выкопанного из земли камня уплачивается в пользу города по 1 р. и до 3 р.» [15, с. 127].

Во время пребывания А.И. Маркевича в Старом Крыму, местный городской голова Ф.К. Ровницкий передал краеведу для музея ТУАК несколько приобретенных им монет и других предметов древности. Кроме того, он показал ученому несколько плит с орнаментом, сложенных по его приказанию в сарае при городской управе. На одной из них была (плита, высеченная из мрамора, также была пожертвована ТУАК и вскоре перевезена в Симферополь) обнаружена надпись: с одной стороны арабская, с другой – еврейская. А.И. Маркевичем было высказано предположение, что плита была повторно использована караимами [15, с. 127].

Перевод караимской надписи на плите не вызвал затруднений. Он был выполнен инспектором Симферопольской татарской учительской школы, Ильей Ильичем Казасом (1832–1912) и гласил: «Здесь похоронен почтенный старец Мардохей, сын Мардохея. Скончался в первый день недели 17-го Тевета 5277 года. Да будет душа его завязана в узле жизни у Господа Бога его» [15, с. 127]. Таким образом, караимская надпись относится к 1417 г. по христианскому летоисчислению.

Расшифровкой арабской надписи занимались И.И. Казас и преподаватель магометанского вероучения Симферопольской татарской школы имам Наибов. Несмотря на плохую сохранность надписи, был выполнен следующий перевод: «Хаджи Бенит повелел возобновить эту чистую благословенную мечеть Шеме-Эддин, сын Рамана (Рамаза?), да увеличит Бог благотворительность его, в семьсот девятом году» [15, с. 127]. С целью более точного перевода фотографический снимок надписи был отправлен в Императорскую Археологическую комиссию, где выполненный ранее перевод был подтвержден. Таким образом, была установлена дата надписи – 1309 г., что автоматически делало плиту важным археологическим памятником. До этого момента древнейшим литографическим памятником мусульманского происхождения в Старом Крыму была надпись на портале мечети Узбека (1314 г.). О возобновлении какой именно мечети идет речь в надписи, восстановить не удалось.

Усилия А.И. Маркевича во время его визитов в Старый Крым были направлены на спасение уцелевших к тому моменту памятников древности в городе,

исчезавшие неимоверно быстрыми темпами из-за варварства местных жителей. На основе детального анализа сложившейся ситуации впервые в истории города были разработаны и предложен ряд мер, направленных на сохранение уникальных памятников истории и культуры древнего Солхата. К сожалению, из-за безразличия местной власти и населения, их стремления к казавшейся легкой наживе и желания даром получить строительные материалы, старания А.И. Маркевича остались незамеченными.

Среди досоветских крымоведов, разрабатывавших в своих научных трудах историю древнего Солхата или отдельные аспекты в области изучения и сбережения многочисленных, но практически исчезнувших памятников древности города, выделяется деятельность Юлиана Андреевича Кулаковского (1855–1919). После защиты диссертации в 1888 г. в Санкт-Петербургском университете на степень доктора римской словесности можно проследить резкое перемещение ракурса научных интересов ученого с общих вопросов древнеримской истории к слабо изученным проблемам археологии и эпиграфики Северного Причерноморья [19, с. 210].

Летом 1897 г. Ю.А. Кулаковский по поручению Археологической комиссии посетил Старый Крым. Ученый «не имел возможности уделить на пребывание в этом городе более одного дня, так как в 30-ти верстах от него вел раскопки, требовавшие постоянного пребывания на месте» [9, с. 6]. Результаты осмотра города были отражены сразу в нескольких публикациях. На страницах «Чтений» Исторического общества Нестора Летописца в отчете о своей научной командировке историк поднял вопрос о необходимости сохранения уникальных археологических памятников этого района. Знакомя читателей с обнаруженными им палеографическими находками, он сетовал, что «памятники древней славы и величия города находятся в настоящее время в самом жалком состоянии» [10, с. 104].

На страницах «Записок Русского археологического общества» Ю.А. Кулаковский поместил статью «Новые данные по истории Старого Крыма», в которой охарактеризованы обследованные им археологические памятники и представлена попытка воссоздать историю города [9, с. 1–12]. Кроме того, автор попытался проследить историю изучения памятников Старого Крыма, начиная с исследования древностей Солхата П.С. Палласом. Ю.А. Кулаковский дал краткую характеристику работам о памятниках Старого Крыма А.И. Маркевича, Н.Н. Мурзакевича, В.Д. Смирнова, Г.И. Спасского.

Осматривая город, Ю.А. Кулаковский «в частном владении у разных лиц видел несколько арабских надписей, одну плиту с арабской надписью – в саду церковной усадьбы и изрядное число арабских надгробий» [9, с. 6]. Обо всех этих памятниках исследователь сообщил в Императорскую Археологическую комиссию.

Беспощадное истребление памятников древности в Старом Крыму местными жителями произвело на Ю.А. Кулаковского гнетущее впечатление. Это отразилось в работах ученого: «жалкий вид представляет этот город в настоящее время со своим немногочисленным населением <...>. От старой славы остались лишь следы в виде нескольких развалин древних зданий, которые по самим условиям своего местонахождения среди жилищ и усадеб нового населения приходят все в большее разрушение и вряд ли могут быть предохранены от полного исчезновения в недалеком будущем» [9, с. 2].

Из-за нехватки времени Ю.А. Кулаковский предпочел ознакомиться с памятниками, «которые были гораздо ближе к его специальным интересам, нежели памятники, относящиеся к татарскому периоду истории Старого Крыма» [9, с. 6]. Ученый занялся изучением хранившегося во дворе городской думы мраморного блока со следами греческой надписи, найденного на территории города «при разрытии какого-то фундамента». По его мнению, эта находка «дала определенное свидетельство о том, что заселенность территории Старого Крыма восходит к первым векам нашей эры» [9, с. 6].

Варварское уничтожение памятников древностей Старого Крыма, на что неоднократно указывали исследователи, посетившие этот город, не осталось без внимания в научной среде. Местные подвижники всеми силами пытались привлечь к проблеме внимание общественности, подвигнуть центральные власти на выработку действенных мер по охране и защите предметов старины. Преследуя подобные цели, в 1903 г. была опубликована статья Людвика Петровича Колли (1849–1917), преподавателя французского языка в Феодосийской мужской гимназии, а с 1901 года – заведующего Феодосийским музеем древностей [24, с. 105–109].

Публикация посвящена пренебрежительному отношению местных жителей к памятникам истории и культуры Феодосии и Старого Крыма, чему автор не смог найти разумного объяснения.

Сколько, увы, драгоценных для науки памятников погибло, исчезло безвозвратно! Стоит только взглянуть на такие места, как, например, Феодосия и Старый Крым. В течение 2000 лет, служа пристанищами столь многочисленным и различным, следовавшим друг за другом народам, бывшие некогда предметами нежных забот властителей и правителей страны, эти места, особенно Старый Крым, в наше время почти безмолвны для обозрителя и археолога. В Старом Крыму кое-где, в трех-четырёх, не более местах, торчат жалкие остатки некогда блестящих общественных зданий. Тщетно, даже с планом в руках, отыщите теперь следы мечетей и джами, караван-сарая, ханского монетного двора, громадного на холме со стороны Феодосии мусульманского монастыря Кемаль-Ата и других зданий эпохи царствования гордых Гереев [8, с. 10].

Следует добавить, что в упомянутой выше поездке 1887 г. В.Д. Смирнова в Старый Крым Людвик Петрович сопровождал профессора и наблюдал воочию многие еще сохранившиеся к тому времени памятники. В 1903 г. В.Д. Смирнов

вновь посетил Старый Крым и поделился своими впечатлениями с Л.П. Колли: «Увы! Из всего нами виденного в 1887 г. почти ничего не осталось. Все уничтожено!» [8, с. 11].

В августе 1903 г. Л.П. Колли лично убедился в правдивости слов В. Д. Смирнова «Все памятники татарской эпохи в Старом Крыму уничтожены. Одна мечеть Узбека хана еще стоит, отчасти реставрированная, благодаря заботам Императорской Археологической Комиссии. На местах бывших исторических развалин разведены фруктовые сады, построены дома, дачи, статья для старокрымских обывателей более выгодна, чем какие-то стены каких-то зданий времен крымских ханов» [8, с. 11].

Таким образом, экспедиции, организованные Императорской Петербургской Академией наук в конце XVIII – начале XIX в., а также подвижничество ученых и краеведов вплоть до начала XX в., стали начальным этапом в исследовании мусульманских памятников истории и культуры бывшей столицы Крымского улуса Золотой Орды. Издание трудов-отчетов об экспедициях способствовало накоплению и распространению научной информации о Солхате. Кроме природно-географического описания города, что являлось неотъемлемой частью трудов ученых-энциклопедистов, была проведена первичная каталогизация и описание наиболее примечательных древностей Старого Крыма. На основании детального исследования памятников старины впервые в отечественной историографии появились работы высокого научного уровня, отражающие различные аспекты из истории Солхата Золотоордынского периода. Благодаря деятельному участию авторитетных ученых был остро поставлен вопрос о необходимости сохранения памятников архитектуры. Были приняты соответствующие правительственные постановления. Несмотря на отсутствие контроля за их исполнением, это позволило спасти от разрушения часть построек и сохранить их до наших дней.

Источники и литература

1. *Бобринский А.А.* Доклад о действиях императорской Археологической комиссии за 1886 год / А.А. Бобринский // Отчет имп. Археологической комиссии за 1882–1888 годы : с атласом. – СПб., 1891. – С. 105–109.
2. *Гнучева В.Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках / В.Ф. Гнучева // Труды Архива АН СССР. – М.; Л., 1940. – Вып. 4. – 310 с.
3. *Дружинина Е.И.* Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. / Е.И. Дружинина. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 279 с.
4. *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым. Т. 5, 6. / Ф. Дюбуа де Монпере.. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2009. – 328 с.
5. *Зеленецкий Н.М.* Петр Симон Паллас, его жизнь, научная деятельность и роль в изучении растительности России / Н.М. Зеленецкий // Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. – 1916. – Т. 41. – С. 38–40.
6. *Илатовская Т.* Рисунки братьев Кюгельхенов в собрании Эрмитажа / Т. Илатовская // Западноевропейская графика XV – XX веков / Гос. Эрмитаж. – М. : Искусство, 1985. – 138 с.

7. Кёппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических / П.И. Кёппен. – СПб : тип. Имп. академии наук, 1837. – 409 с. – Назв. обл. : Крымский сборник.
8. Колли Л.П. О судьбе некоторых исторических зданий в Старом Крыму и Феодосии / Л.П. Колли // ИТУАК. – 1903. – № 35. – С. 10–17.
9. Кулаковский Ю.А. Новые данные для истории Старого Крыма / Ю.А. Кулаковский // Записки имп. Русского археологического общества : Новая сер. – 1899. – Т. 10, вып. 3/4 : Труды Отделения археологии древне-классической, византийской и западно-европейской, кн. 3. – С. 1–12.
10. Кулаковский Ю.А. О новейших находках в Старом Крыму / Ю. А. Кулаковский // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. – 1899. – Кн. 13, отд. 1.
11. Ломакин Д.А. К истории изучения мусульманских памятников XIII – XV века в Старом Крыму : В.Д. Смирнов / Д.А. Ломакин // Ученые записки Таврического нац. Ун-та им. В. И. Вернадского. сер. : «История». – 2010. – Т. 23 (62), № 1. – С. 125–133.
12. Маркевич А.И. Памяти П.И. Кёппена / А.И. Маркевич // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1893. – №. 18. – С. 119–125.
13. Маркевич А.И. К биографии академика П.И. Кёппена / А.И. Маркевич // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1914. – № 51. – С. 223–240.
14. Маркевич А.И. Поездка в Старый Крым / А.И. Маркевич // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1888. – № 6. – С. 64–77.
15. Маркевич А.И. Старо-Крымские древности / А.И. Маркевич // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1892. – Т. 17. – С. 124–129.
16. Маркевич А.И. Судьбы памятников древности в Тавриде // Непомнящий А.А. Арсений Маркевич : страницы истории крымского краеведения / А.А. Непомнящий. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. – С. 267–317. – (Серия : «Биобиблиография краеведения»; вып. 3).
17. Маркова О.П. О происхождении так называемого Греческого проекта : 80-е годы XVIII века / О.П. Маркова // История СССР. – 1958. – № 4. – С. 59–78.
18. Мыц Л.А. «Материалы, которым время не отнимает достоинства...» : путевые заметки П.И. Кёппена (1833–1834 гг.) / Л.А. Мыц // Пилигримы Крыма : Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме : матер. Международной науч. конф. – Симферополь, 1999. – С. 192–200.
19. Непомнящий А.А. Подвижники крымоведения / А.А. Непомнящий : в 2 т. – Симферополь : СГТ, 2008. – Т. 1. – 324 с. – (Серия : «Биобиблиография краеведения»; вып. 7).
20. Непомнящий А.А. 3 історії вивчення пам'яток Криму наприкінці XIX – початку XX ст. : В.Д. Смирнов / А.А. Непомнящий // Праці Центру пам'яткознавства : зб. наук. праць / НАН України; УТОПСК. – К., 2009. – Вип. 15. – С. 145–166.
21. Непомнящий А.А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века) / А.А. Непомнящий / Ин-т укр. археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины. – К., 1999. – (Серия : «Научно-справочные издания по истории Украины»; вып. 46).
22. Непомнящий А.А. Крымоведческое наследие П. И. Кёппена : опыт биобиблиографической характеристики / А.А. Непомнящий // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. – 2000. – № 13 (52), т. 1. – С. 97–106.
23. Непомнящий А.А. Начало научного изучения Крыма / А.А. Непомнящий // Историческое наследие Крыма. – 2008. – № 21. – С. 168–196.
24. Непомнящий А.А. Очерки развития исторического краеведения Крыма XIX – начале XX века / А.А. Непомнящий. – Симферополь : Таврия, 1998. – 208 с.
25. Непомнящий А.А. Подвижники крымоведения / А.А. Непомнящий : в 2 т. – Симферополь, 2008. – Т. 2 : TAURICA ORIENTALIA. – 600 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения»; вып. 12).
26. Охрана памятников истории и культуры в России: XVIII – начало XX в. : сб. документов. – М., 1978. – 356 с.
27. Отчет имп. Археологической комиссии за 1882–1888 гг. – СПб., 1891. – С. 105–109.
28. [Паллас П.С.] Поездка во внутренность Крыма вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань (продолжение). / П.С. Паллас // ЗООИД. – 1883. – Т. 13. – С. 35–108.

29. Скоблякова А.В. Русский востоковед Г.И. Спасский : некоторые сведения о научной и публицистической деятельности / А.В. Скоблякова // Страны Востока в политике России в XIX – начале XX в. – Иркутск, 1986. – С. 66–83.
30. Смирнов В.Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года / В.Д. Смирнов // Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества. – 1887. – Т. 1, вып. 4. – С. 273–302.
31. Смирнов В.Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // Непомнящий А.А. Подвижники кримведения / А.А. Непомнящий. – Симферополь, 2008. – Т. 2 : TAURICA ORIENTALIA. – С. 499–529. – (Серия : «Библиография кримведения»; вып. 12).
32. Спасский Г. Старый Крым : из путевых записок о Крыме / Г. Спасский // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1858. – Т. 4. – С. 85–103.
33. Стевен А.Х. Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до розыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии / А.Х. Стевен // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1891. – № 13. – С. 37–42.
34. Сумароков П.И. Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду / П.И. Сумароков: в 2 ч. – СПб, 1803–1805.
35. Сумароков П.И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году / П.И. Сумароков / Предисл. и ком. Т.М. Фадеевой. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2012. – 208 с., цв. ил.
36. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России: XVIII – середина XIX века / И.В. Тункина. – СПб. : Наука, 2002. – 676 с.
37. Тункина И.В. Экспедиции Е.Е. Кёлера в Крым 1804 и 1821 годов / И.В. Тункина // Проблемы античной культуры : тез. докл. Крымской науч. конф. – Симферополь, 1988. – Ч. 3. – С. 307–308.
38. Фадеева Т.М. Дюбуа де Монпере – ученый-путешественник / Т.М. Фадеева // К 150-летию Алушкинского дворца : первые Крымские Воронцовские чтения : матер. – Симферополь, 2000. – С. 53–61.
39. Vernadsky G. Russian historiography : history / G. Vernadsky. – Belmont, 1978. – 509 p.
40. Петербургский филиал Института востоковедения Российской академии наук, ф. 50, оп. 1, д. 21, л. 1.
41. Петербургский филиал Института востоковедения Российской академии наук, ф. 50, оп. 1, д. 22, л. 1–16.
42. Петербургский филиал Архива Российской академии наук, ф. 1, оп. 1а (1822 г), д. 33.
43. Петербургский филиал Архива Российской академии наук, ф. 3, оп. 32, д. 20, л. 1–341.
44. Российский государственный исторический архив, ф. 468, оп. 1, ч. 2, д. 3921, л. 337.

Ломакін Д.А. До історії становлення наукового підходу в дослідженні комплексу мусульманських пам'яток XIII – XV ст. в Старому Криму

У статті розглянуто початковий етап накопичення наукових знань про археологічні пам'ятки Старого Криму мусульманського походження. Проаналізовано внесок енциклопедистів, які займалися вивченням краю у складі експедицій, організованих Петербурзькою Академією наук, учених і краєзнавців у дослідженні старокримських старожитностей. Охарактеризовано перші спроби місцевих науковців пригорнути увагу влади та суспільства до проблеми збереження пам'яток історії та культури Старого Криму.

Ключові слова: Старий Крим, пам'ятка археології, історія науки

Lomakin D.A. On the issue of the development of a scientific approach to the study of the Muslim monuments of XIII – XV century in Stary Krym

This author describes the initial phase of accumulation of scientific knowledge about Stary Krym archaeological sites that have Muslim origin. The major emphasis is made on the contribution of the Encyclopaedists that were involved in the study during the expeditions organized by the Petersburg Academy of Sciences, also contribution of researchers and local historians to the study of Stary Krym antiquities are underlined. The author made the every effort in order to describe the first attempts of local devotees of science to draw the attention of government to the problem of preservation of historical and cultural monuments of Stary Krym.

Key words: Stary Krym, archaeological site, historical science.